

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Тюркология

Первый академик-востоковед, Теофил (Готлиб)-Зигфрид Байер (1694—1738)¹, имя которого уже не раз упоминалось в предыдущих разделах, является и первым тюркологом в АН. Среди целого ряда восточных языков, которыми занимался Байер, были и тюркские, о чем свидетельствует его перевод «Образец [из] книги [Абу-л-Гази] Шаджара-и Тюрк — [Родословная тюрков]. Латинский перевод Теофила Зигфрида Байера»².

Имя Т.-З. Байера упоминается также в истории изучения тюркских енисейских рунических надписей в связи с его попыткой объяснить знаки этих надписей через кельтское письмо³.

В собирании и публикации енисейских надписей оставил след и известный натуралист и путешественник акад. П. С. Паллас (1741—1811), издавший несколько рунических надписей⁴.

В январе 1732 г. по приглашению Коллегии иностранных дел в Петербург прибыл крупный знаток ряда восточных языков, в том числе и тюркских, Георг-Якоб (Георгий Яковлевич) Кер (1692—1740)⁵. Небольшая часть научного наследия Г. Я. Кера хранится в АВ (ф. 26): немецкий перевод (с

¹ О нем см.: В. П. Таранович, Академик Т. З. Байер и его труды по востоковедению (К 200-летию со дня смерти Байера), АВ, ф. 102, № 2; П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, СПб., 1870, стр. 180—196; Fr. Babinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), München, 1915, РБС, т. II, СПб., 1900, стр. 418—421 (без подписи). Все даты, относящиеся к членам АН, приводятся по кн. «История АН СССР», т. I, М.—Л., 1958; т. 2, М.—Л., 1964.

² «Specimen Libri Schaggiire Turki latine conversi a Theophilo Sigfrido Bayere», — журн. «Nova Acta Eruditorum», [Leipzig], 1732, № 1, стр. 356—366.

³ Th. Bayer, Vetus inscriptio Prussica, — Comment. Acad., t. II, St.-Pbg., 1729, стр. 470—481.

⁴ P. Pallas, Von einer in Sibirien gefundenen unbekannten Steinschrift, — Neue Nördliche Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. Naturgeschichte und Oekonomie, V, St.-Pbg., 1793, стр. 237—245.

⁵ О нем см.: М. П. Шувалов, Очерки жизни и деятельности ориенталиста Кера, — Сб. МГА МИД, вып. 5, М., 1893.

правкой акад. И. Фишера) «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, латинский перевод «Бабур-наме» и др.⁶. Кер оставил по себе добрую память также и тем, что составил грандиозный по тем временам («фантастический» — по мнению одних, «реальный» — по убеждению других) проект «Академии или Общества восточных наук и языков в Империи Российской».

В течение XVIII столетия в штате АН тюркологов не было. Однако собирание лингвистического, исторического, этнографического материала среди тюркских народов в XVIII в. шло весьма интенсивно. АН в течение этого времени снаряжала и отправила в Поволжье, Сибирь и на Кавказ целый ряд экспедиций, которым наряду с другими заданиями «всех чужих языков пробы собирать велено»⁷. В результате этих экспедиций усилиями натуралистов (Г. Шобер, Д. Мессершмидт, С. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. А. Гильденштедт, И. П. Фальк и др.)⁸ и научно-организационной деятельности «просвещенных администраторов» (В. Н. Татищев, П. И. Рычков) был собран и частично обработан большой лингвистический, этнографический, топонимический, исторический и географический материал, касающийся различных народов и народностей, населявших восточные окраины тогдашней России, в том числе, и, пожалуй, в подавляющем количестве, и материалы по тюркским языкам и фольклору⁹.

Как уже отмечалось выше, в 1803 г. АН получила новый устав, благодаря которому представилась возможность пригласить и зачислить с 1 сентября 1804 г. в число адъюнктов АН по восточным языкам и словесности немецкого ученого Генриха-Юлиуса Клапрота (1783—1835)¹⁰ (экстраординарный академик с 11 марта 1807 г.). Научные интересы Клапрота были весьма обширны: языкознание и история, география и этнография: он изучал языки: китайский, маньчжурский, тибетский, тюркские, грузинский, армянский и др. Находясь в России в течение семи лет, Клапрот получил блестящую для ориенталиста возможность совершить путешествия по Сибири (1805—1806) и Кавказу (1807—1808)¹¹, результаты его на-

⁶ Основная часть архива Кера как сотрудника Коллегии иностранных дел была передана на хранение в Московский главный архив МИДа; теперь эта часть архива Кера хранится в ЦГАДА (Москва). *Dogn, As. Mus.*, стр. 121, № 61—62.

⁷ «Материалы», т. II, СПб., 1886, стр. 407.

⁸ Подробнее см.: ТААН, вып. 4.

⁹ Подробнее см.: Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 408—409, 413—416, 421—430.

¹⁰ О нем см.: Н. [И.] Веселовский, Клапрот Генрих-Юлий (1783—1835), — РБС, т.: Ибак — Ключарев, СПб., 1897, стр. 727—729.

¹¹ «История АН СССР», 2, стр. 111, 224; ТААН, вып. 4, стр. 105, 106, 155—157, 160.

блюдений были изложены в ряде книг¹². Клапрот собрал также значительный материал по этнографии и языкам башкир, казахов, киргизов, якутов и тунгусов¹³. В работе о сибирских древностях Клапрот пытался объяснить тюркские руны через греческое письмо.

Клапрот одним из первых заинтересовался языком и алфавитом древних уйгур¹⁴. Мимо его внимания не прошли также и памятники тюркской письменности¹⁵. С именем Клапрота связано издание первого в России востоковедного сборника, напечатанного по распоряжению АН¹⁶. Здесь Клапрот в числе других своих работ опубликовал перевод на немецкий язык главы из «Бабур-наме», посвященной описанию Ферганы¹⁷.

Первым русским ученым, избранным (1810) членом-корреспондентом АН по разряду восточной словесности и древностей, был Г. И. Спасский (1783—1864), «чиновник горной службы в Барнауле» по специальности, историк Сибири, и Черноморского края по душевному влечению¹⁸. Видное место в истории русской тюркологии Г. И. Спасский занял благодаря статье «Древности Сибири»¹⁹, в которой он писал о загадочных надписях, находимых в разных местах Сибири и ставших позднее известными под названием тюркских рунических памятников; он же был одним из первых истолкователей этих надписей²⁰. Г. И. Спасский составил «Словарь языка койбальского» и «Словарь языка моторского»²¹.

¹² G. Klaproth, 1. Reise in den Kaukasus und nach Georgien in den Jahren 1807 und 1808, Bd I—II, Halle—Berlin, 1812—1814; 2. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere, Berlin, 1814.

¹³ G. Klaproth, 1. Asia Polyglotta, Paris, 1823, 1831; 2. Sur quelques antiquités de la Sibirie, Paris, 1824; 3. Sur la langue des kirghiz, — JA, 1825, t. 7, стр. 321—344.

¹⁴ Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Berlin, 1812; «Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Nebst einem Wörterverzeichnis und anderen uigurischen Sprachproben aus dem Kais. Uebersetzungshoff zu Peking», Paris, 1820.

¹⁵ «Notice du Babour-nameh», — JA, 1824, t. 4, 128—137; «Notice et explication des inscriptions turques et arabes de Bolghari», — Nouveau JA, t. VIII, 1831, стр. 483—506; «Vocabulaire latin, persan et coman, d'après un manuscrit écrit en 1303, et provenant de la Bibliothèque du célèbre poète Francesco Petrarcha», Paris, 1828.

¹⁶ «Archiv für Asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde», St.-Pbg., 1810.

¹⁷ Там же, стр. 101—110.

¹⁸ О нем см.: А. Ф. Шидловский, Гр. Ив. Спасский, — ИВГО, вып. 8, 1939, т. 71, стр. 1238—1241; Г. Г. Гульбин, К статье «Григорий Иванович Спасский», — там же, вып. 3, 1940, т. 72, стр. 447—448.

¹⁹ См. «Сибирский вестник», 1818, ч. I, стр. 67—85; ч. II, стр. 147—177; ч. VII, стр. 1—28.

²⁰ Подробнее см.: А. [Н.] Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 13—14.

²¹ Эти рукописные словарики опубликованы в кн.: Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 279—290, 291—305.

Заметный след в истории тюркологии оставил Христиан Данилович (Христиан-Мартин) Френ — ординарный академик по разряду восточных древностей (с 24 сентября 1817 г.), директор АМ, арабист, иранист и тюрколог²². Он занимался систематизацией и описанием тюркских рукописей и нумизматического материала собрания АМ, оставил статьи по истории тюркских народов, издал известное сочинение «Абул-Гази-Шаджара-и Тюрк» — «Родословная тюрков» (XVII в.)²³. Х. Д. Френ известен также отеческим вниманием к начинающим ученым-тюркологам Я. О. Ярцову, П. С. Савельеву, В. В. Григорьеву, В. Г. Тизенгаузену, которые считали себя его учениками.

Первым русским адъюнктом по тюркским языкам в АН был ученик Френа по Казанскому университету Я. О. Ярцов, который, по словам В. В. Григорьева, был «одним из первейших у нас знатоков татарских наречий». Ярцов по рекомендации Френа был причислен к АН в звании адъюнкта²⁴.

Востоковеды в XVIII в. и почти в течение всего XIX в. (Байер, Кер, Клапрот, Френ, Дорн, Вельяминов-Зернов и др.) в силу специфичности материала исследования были филологами-энциклопедистами, владевшими целым рядом восточных языков и работавшими в обширной области «восточной словесности и древностей», т. е. занимались литературами, историей, этнографией и языками народов Востока.

К числу востоковедов-энциклопедистов, внесших свой вклад в развитие отечественной тюркологии, принадлежит Б. А. Дорн (1805—1881), историк и географ Кавказа и Ближнего Востока²⁵. Ему принадлежит первое описание арабских, персидских и тюркских рукописей Петербургской Публичной библиотеки²⁶.

Примерно с середины XIX в. в АН, равно как и за ее пределами, в русском востоковедении наряду с развитием восточной филологии зарождается новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, наиболее яркими представителями которой в АН были О. Н. Бётлингк, А. А. Шифнер, В. В. Радлов, К. Г. Залеман.

²² О нем см. еще стр. 272—277.

²³ Abulghasi Bahadur Chani, *Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia J. C. N. de Romanzoff, Casani, MDCCCXXV.*

²⁴ О нем см.: МИФВЯ, IV, стр. 25—26; Н. П. Загоскин, История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904, т. I. Введение и часть первая (1804—1814), Казань, 1902, стр. 226—227; Н. Булич, Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. 1, изд. 2, СПб., 1904, стр. 166—169.

²⁵ См. о нем: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 701—821.

²⁶ B. Dorn, *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg*, 1852.

В истории русской тюркологии навсегда сохранится имя санскритолога и тюрколога акад. О. Н. Бётлингка (1815—1904)²⁷, автора классической грамматики якутского языка, трех статей по вопросам якутского языкознания и трех статей по грамматике турецкого языка²⁸.

Особое место в истории восточного языкознания в АН и в России середины XIX в. занимает акад. А. А. Шифнер (1817—1879)²⁹, научные интересы которого были необычайно широки даже по масштабам прошлого столетия: «...кавказские языки во всем их разнообразии, палеоазиатские, финские, тюркские, монгольские, иранские, кроме того, санскритский и тибетский, причем этим длинным списком, наверно, не исчерпывается число языков, над которыми Шифнер работал»³⁰.

В историю изучения алтайских и палеоазиатских языков в России Шифнер вошел как бескорыстный редактор и издатель огромного научного наследия (12 томов!) замечательного ученого и путешественника М. А. Кастрена (1813—1852)³¹, в собрании трудов которого Шифнер издал и снабдил предисловием первое описание койбалского и карагаского наречий³². Шифнеру принадлежит несправедливо забытое сочинение, посвященное эпосу минусинских татар³³; материал тюркских языков им широко использован в одной из лингвистических статей³⁴.

Издание АН трудов Кастрена, а также трудов Ханыкова, Минаева, Радлова (до его избрания академиком), Демезона, Шармуа и других ученых, не состоявших в штате АН³⁵, свидетельствует об одной, редко упоминаемой стороне деятельности АН — о поощрении и поддержке научных начинаний,

²⁷ Подробнее о нем см.: ОИРВ, 2, стр. 494—495; Ливотова и Португаль, Востоковедение, №№ 398—401.

²⁸ O. B ö t h l i n g k, Über die Sprache der Jakuten, Th. 1—2, Grammatik, Text und Wörterbuch, St.-Pbg., 1851 (переиздана фотомеханическим способом. Гаага, 1964). См. оценку этого труда в кн.: Е. И. Убрятова, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 12—15; Ливотова и Португаль, Востоковедение, №№ 371, 375, 376, 382, 385, 391.

²⁹ Литературу о нем см.: ОИРВ, 2, стр. 508; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1664—1734.

³⁰ С. Ф. Ольденбург, Предисловие к сб. «Памяти М. А. Кастрена», Л., 1927, стр. 1; о занятиях Шифнера палеоазиатскими языками см.: И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко, Очерк истории изучения палеоазиатских и самодийских языков, Л., 1959, стр. 26.

³¹ «Nordische Reisen und Forschungen». Im Auftrage der K. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schiefner, Bd I—XII, St.-Pbg., 1853—1862.

³² «Nordische Reisen und Forschungen», Bd XI, Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des minussinschen Kreises, St.-Pbg., 1857.

³³ «Heldensagen der minussinschen Tataren rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner», St.-Pbg., 1850.

³⁴ «An-und Auslaut bedingen sich gegenseitig», — Bull. hist-phil., 1857, t. XV, № 12, стлб. 189—192; то же, — Mël. as., t. III, 1859, стр. 281—285.

³⁵ «История АН СССР», 2, стр. 227, 632.

проводимых вне стен АН. Примером этому в области языкознания и этнографии служит четырехлетнее (1845—1849) путешествие упоминавшегося выше М. А. Кастрена³⁶, который был «определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной, со времени отправки в экспедицию до представления окончательного отчета»³⁷.

Особое место в истории русского востоковедения занимает историк и филолог, востоковед-автодидакт акад. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904)³⁸. В его сравнительно небольшом списке трудов (35 названий) в части его тюркологических работ сохраняет свое значение знаменитое «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (ч. I—IV, СПб., 1863—1887), в котором тюрколога-филолога привлекает длинный ряд интереснейших историко-филологических экскурсов и примечаний.

Для историков и филологов значительный интерес представляют татарские и турецкие документы по истории сношений Крымского ханства с Россией и Польшей, хранившиеся в МГА МИД, переписанные преподавателем татарского языка на ФВЯ Петербургского университета Хусейном Фейзхановым (1828—1866)³⁹ и изданные В. В. Вельяминовым-Зерновым⁴⁰. Памятником тюркской лексикографии в России является его широко известный «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868). Тяжелая болезнь (1871) в наиболее научно-продуктивный период жизни вынудила его оставить службу в АН и почти полностью прекратить научно-исследовательскую деятельность.

В течение XIX в. в связи с успешным развитием тюркологии вне стен АН последняя считала необходимым достойнейших из тюркологов (равно как и других специалистов) избирать в число своих членов-корреспондентов. Из тюркологов этой высокой чести удостоились: О. И. Сенковский (1800—1858), выдающийся арабист и тюрколог, автор пособия по турецкому языку («Карманная книга для русских воинов в турецких походах», СПб., 1828—1829); А. К. Казем-Бек (1802—1870), выдающийся иранист, арабист и тюрколог, автор первой научной грамматики турецкого языка в

³⁶ О нем см.: сб. «Памяти М. А. Кастрена», список трудов Кастрена, стр. 132—136; литература о нем, стр. 137—141.

³⁷ В. Г. Богораз, Кастрен — человек и ученый, — сб. «Памяти М. А. Кастрена», стр. 5.

³⁸ О нем см.: ОИРВ, 2, стр. 496; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 604—619. Личное дело Вельяминова-Зернова в ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 102.

³⁹ Ф. С. Сафиуллина, Хусейн Фейзханов, — «Вопросы татарского языкознания», кн. 2, Казань, 1965, стр. 407—423.

⁴⁰ «Материалы для истории Крымского ханства», СПб., 1864.

сравнительном освещении («Грамматика турецко-татарского языка», Казань, 1839; 2-е изд.: «Общая грамматика турецко-татарского языка», Казань, 1846)⁴¹; Н. И. Ильминский (1822—1891), выдающийся тюрколог-лингвист и этнограф⁴², В. В. Григорьев (1816—1881), первый профессор кафедры истории Востока на ФВЯ Петербургского университета⁴³.

Эпоху в истории отечественной и мировой тюркологии составила деятельность акад. В. В. Радлова (1837—1918)⁴⁴, который своими трудами заложил фундамент тюркской филологии. В. В. Радлов, питомец Берлинского университета, нашел в России, куда прибыл летом 1858 г., все необходимое для работы и жизни.

Начиная с 1866 г. ежегодно появляются труды (всего 138 названий) В. В. Радлова; в этом же году был издан первый том его знаменитой серии: «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866—1907)⁴⁵. В 1882—1884 гг. Радлов выпустил в свет два труда; второй из них был своего рода энциклопедией Западной Сибири⁴⁶.

В 1884 г. В. В. Радлов был избран ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов.

Крупнейшим научным трудом В. В. Радлова был «Опыт словаря тюркских наречий», материалы для которого он начал собирать еще в 1859 г. во время пребывания на Алтае; в 1888 г. был издан первый выпуск этого словаря, составившего эпоху в тюркологии и до сих пор ничем не замененного;

⁴¹ О нем см.: А. Рзаев, Мирза Казем-Бек, Баку, 1965; список трудов, стр. 143—144; литература о нем, стр. 145—147.

⁴² О нем см.: «На память о Н. И. Ильминском», Казань, 1892.

⁴³ О нем см.: Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев по его письмам и трудам, СПб., 1887.

⁴⁴ О нем см.: ОИРВ, 2, стр. 502—503; А. Н. Самойлович, Радлов как тюрколог, НВ, 1922, № 2, стр. 707—712; его же, Памяти великого тюрколога акад. В. В. Радлова (К 100-летию со дня рождения: 1837—1937), — «Революция и письменность», 1937, № 2, стр. 79—81; Munkácsi, V. Radloff Vilmos (1837—1918), — «Budapesti Szemle», (1918), № 178, стр. 425—461; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Turkologie, — «Oriens», 1955, vol. 8, № 1, стр. 51—93; список трудов В. В. Радлова см.: К. Г. Залеман, Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке, — кн. «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова», СПб., 1907, стр. 3—25; его же (продолжение до 1912 г.), — кн. «Семидесятипятителетний юбилей дня рождения академика В. В. Радлова», СПб., 1912, стр. 5—8; «Матер. для биогр. словаря д. ч. АН», ч. II, Пг., 1917, стр. 129—136; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff, стр. 71—87; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1338—1385.

⁴⁵ «Образцы» переизданы в Лейпциге (1965) и начиная с 1967 г. переиздаются университетом штата Индиана (США).

⁴⁶ «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. Phonetik», Leipzig, 1882, — «Aus Sibirien», Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, Bd I—II, Leipzig, 1884 (переведена на турецкий язык: W. Radloff, Sibirya'dan. Çeviren: Dr. Ahmet Temir, I. İstanbul, 1954, II, İstanbul, 1956).

окончен печатанием в 1911 г. (24 выпуска объединены в 4 тома) ⁴⁷.

Одновременно с работой над «Опытом словаря» осуществлялась публикация крупнейшего памятника XI в. «Кутадгу билиг» (1890—1910).

Конец прошлого столетия в истории тюркологии ознаменовался событием эпохального значения: в 1889 г. в Монголии, в 400 км западнее Улан-Батора, на берегу р. Кокшин Орхон, в урочище Кошо-Цайдам, Н. М. Ядринцев открыл два больших рунических памятника: в честь Кюль-тегина и в честь Бильге-кагана (Могилян-хана) ⁴⁸.

По следам Ядринцева отправились две экспедиции: финская (1890) под руководством Гейкеля и русская, снаряженная АН (1891), во главе с В. В. Радловым. Результатом деятельности экспедиций было издание двух атласов ⁴⁹.

Одновременно с В. В. Радловым за дешифровку орхонских памятников принимается датский лингвист Вильгельм Томсен ⁵⁰, который в конце ноября 1893 г. сумел найти ключ к чтению этих надписей. В. В. Радлову к тому времени тоже удалось дешифровать около полутора десятка знаков ⁵¹.

Затем в особой серии В. В. Радлов публикует четыре постепенно улучшаемых варианта перевода памятников из Кошо-Цайдама, а также перевод «Онгинского памятника» и ряд мелких рунических надписей. Завершая работу над интереснейшими в филологическом и историческом отношении Кошо-Цайдамскими памятниками, В. В. Радлов публикует новую серию, содержащую грамматический очерк (фонетика, морфология, синтаксис), текст в русской академической транскрипции и перевод памятников, словарь, а в качестве приложения помещает статью В. В. Бартольда ⁵².

В 1897 г. Е. Н. Клеменц в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-западу от Улан-Батора, обнаружила большой руниче-

⁴⁷ Словарь дважды переиздан фотомеханическим способом: ИВЛ, М., 1963—1964. Издательство Mouton et Co, Гаага, 1960.

⁴⁸ Подробнее об этих памятниках и их значении см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 55—65.

⁴⁹ «Inscription de l'Orkhon recueilliés par l'expédition finnoise 1890 et publié par la Société Finno-Ougrienne», Helsingfors, 1892; «Атлас древностей Монголии», изданный В. В. Радловым, СПб., I, 1892; II, 1893; III, 1896; IV, 1899; в качестве дополнения к этому атласу было издано шесть сборников трудов экспедиции.

⁵⁰ О нем см.: сб. «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928; A. Dilâç a g, Thomsen, Ankara, 1963.

⁵¹ С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 12.

⁵² «Die alttürkische Inschriften der Mongolei», St.-Pbg., 1894—1895; «Die alttürkische Inschriften der Mongolei», Neue Folge, St.-Pbg., 1897; W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, стр. 1—36.

ский памятник в честь Тоньюкука⁵³, текст, транскрипцию и первый немецкий перевод (с примечаниями и словарем) которого также издал В. В. Радлов⁵⁴.

Названными выше работами далеко не исчерпывается список трудов В. В. Радлова в области орхоно-енисейских штудий, интерес к которым не покидал его до конца дней.

Другой областью научных интересов В. В. Радлова, проявившихся в 90-х годах и получивших развитие в начале XX в., была уйгурская письменность, уйгурские памятники и отчасти история уйгуров. Богатая коллекция уйгурских рукописей и ксилографов АМ (которая была обработана В. В. Радловым и К. Г. Залеманом) явилась солидной основой для развития уйгуроведения в России.

В. В. Радлов собственноручно переписал и издал следующие памятники уйгурской письменности: «Chuastuanit» (СПб., 1909), «Tišastvustik» (СПб., 1910), «Kuan-ši-in Pusa» (СПб., 1911) и др. В это же время он написал и издал ряд статей, объединенных под общим заглавием «Altürkische Studien» (I—VI, СПб., 1909—1912). Затем последовало издание знаменитой сутры «Золотой блеск — *Survānaragrābhāsa*» (СПб., 1913—1917) — уйгурской рукописи, найденной С. Е. Маловым в 1910 г., перевод которой на немецкий язык частично был осуществлен В. В. Радловым и опубликован С. Е. Маловым в 1930 г. Посмертным изданием вышла большая работа В. В. Радлова «*Uigurische Sprachdenkmäler*», опубликованная С. Е. Маловым в 1928 г.⁵⁵

В обширной области научных интересов В. В. Радлова (диалектография, лексикография, тюркская текстология и филология, фольклористика, этнография, археология) известное место занимают и работы общелингвистического характера; к ним следует отнести: «*Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*» (1901); «*Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türk-sprachen*» (1882); «*Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen*» (1906); «*Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen*» (1908).

Обзор научной деятельности В. В. Радлова и его заслуг перед отечественным востоковедением был бы неполным, если бы мы не сказали о нем как об организаторе и администраторе — директор АМ (1885—1890), директор МАЭ (1894—1918), председатель РКСА (1903—1918), председатель правления «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта»

⁵³ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 65—67.

⁵⁴ «*Die alttürkische Inschriften der Mongolei*». Zweite Folge, St.-Pbg., 1898.

⁵⁵ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 138, 139—140, 143, 198.

(1908—1918) — и педагоге. В. В. Радлов, как известно, не преподавал ни в Казанском, ни в Петербургском университете, но имел немало учеников; ими были тюркологи: Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович; монголисты Б. Я. Владимирцов, А. Д. Руднев и др., в трудах которых развивались и углублялись идеи их учителя⁵⁶.

Востоковедом-лингвистом широкого диапазона, оставившим неизгладимый след в истории русской и мировой иранистики, является акад. К. Г. Залеман (1849—1916)⁵⁷. Окончив ФВЯ Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду (1867—1871), К. Г. Залеман позднее совершенствовался в татарском языке в Казани (1880). Еще в студенческие годы им был составлен русско-кумыкский словарь (рукопись, ЛО ААН, ф. 87, оп. I, № 316). В течение всей своей исследовательской деятельности Залеман уделял значительное внимание тюркологическим изысканиям; по свидетельству его биографа, «из всех неиранистических дисциплин наибольшее внимание Залеманом было уделено тюркологии»⁵⁸. О глубоком знании Залеманом живого татарского языка свидетельствует следующий факт: по предложению Британского библейского общества Залеман сделал перевод на татарский язык Евангелия от Матфея (Казань, 1882; 2-е изд., 1890) и Марка (Казань, 1886).

Круг тюркологических интересов К. Г. Залемана был весьма широк, хотя, как и в области иранистики, он ограничивался преимущественно изучением памятников письменности в филолого-лингвистических аспектах. Среди тюркологических исследований Залемана следует назвать в первую очередь его работу о «сельджукских» стихах. Эта работа, основанная на обнаруженном Залеманом в АМ неизвестном ранее списке мистической поэмы Султана Веледа (1226—1312) «Ребаб-наме» (1301), является продолжением изучения этого памятника, начатого В. В. Радловым по списку Венской библиотеки⁵⁹. Спустя четверть века, в конце своей жизни, Залеман вернулся к этой теме, подготовив работу, названную им «Но-

⁵⁶ О «Радловских четвергах» любил вспоминать С. Е. Малов; см. его предисловие к кн.: W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Л., 1928, стр. VIII. О занятиях П. М. Мелиоранского у В. В. Радлова см.: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, — ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1907, стр. 02—03; о занятиях Н. Ф. Катанова у В. В. Радлова см.: С. Н. Иванов, Николай Федорович Катанов. 1862—1962, М.—Л., 1962, стр. 16—17.

⁵⁷ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, стр. 79—115.

⁵⁸ Там же, стр. 99.

⁵⁹ «*Noch einmal die Seldschukischen Verse*», — Bull. de l'Acad. Nouv. sér., t. II (XXXIV), 1892, стр. 293—365; то же, — Mém. as., t. X, 1894, стр. 173—245; W. Radloff, *Über alttürkische Dialecte. I. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâme*, — Mém. as., t. X, 1894, стр. 17—77.

вые сельджукские стихи» (рукопись, ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 303, 12 л.).

В истории русской тюркологии конец XIX в. знаменуется повышенным вниманием к изучению памятников тюркской письменности, и в первую очередь к открытым Н. М. Ядринцевым (1889) большим руническим памятникам. К. Г. Залеман и в этой области обнаружил познания, достойные профессионального тюрколога. В его архиве сохранились материалы по изучению орхонских памятников⁶⁰.

К. Г. Залеман опубликовал и снабдил историко-филологическими примечаниями весьма интересную рукопись АМ на «чагатайском» языке, названную им «Легенда про Хаким-ата»⁶¹.

«Прибавления» Залемана к труду В. В. Радлова о «Кутадгу билиг» — персидский текст и перевод сведений о древнейших сказаниях тюркского племени — представляют чрезвычайный интерес.

В сферу научных интересов К. Г. Залемана попал и другой важный памятник — «Codex Comanicus». В этой работе Залеман решительно выступил против резких и необоснованных выпадов В. Банга против В. В. Радлова⁶².

В архиве Залемана сохранились начальные листы подготавливаемой им «Грамматики алтайских языков», копии с тюркских рукописей и транскрипции текстов⁶³.

Нельзя не отметить многолетнюю деятельность К. Г. Залемана по каталогизации арабских, персидских и тюркских рукописей. В списке трудов К. Г. Залемана⁶⁴ насчитывается двенадцать печатных тюркологических работ; К. Г. Залеману также принадлежит прекрасно составленная библиография трудов В. В. Радлова.

В историю изучения якутской лексики, в историю тюркской лексикографии навсегда вошло имя политического ссыльного, выдающегося якутоведа Э. К. Пекарского (1858—1934), члена-корр. АН (1927) и почетного академика (1931)⁶⁵. Э. К. Пекарский, проживший в якутской ссылке почти два-

⁶⁰ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101; ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, №№ 262—271.

⁶¹ ИИАН, сер. V, т. IX, 1898, № 2, стр. 105—150; то же: *Mél. as.*, t. XI, 1901, стр. 65—110.

⁶² C. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus, I. Türkisches. II. Persisches, — ИИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 12, стр. 943—957; то же, *Mél. as.*, t. XIV, 1910, стр. 341—355; А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101.

⁶³ C. Salemann, Grammatik der altaischen Sprachen (ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 304, 18 л.). См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101—102.

⁶⁴ «Матер. для биограф. словаря д. ч. АН», ч. I, Пр., 1915, стр. 295—298.

⁶⁵ О нем см.: Е. И. Убрятова, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 21—25; «Эдуард Карлович Пекарский. К столетию со дня рождения» (сб. статей), Якутск, 1958.

дцать пять лет, собрал там огромный материал по якутской лексике. АН, а с 1903 г. и РКСА по ходатайству В. В. Радлова и К. Г. Залемана неизменно оказывали Пекарскому материальную и моральную поддержку⁶⁶; при содействии АН (по инициативе В. В. Радлова) Э. К. Пекарский получил разрешение проживать в столице, чем он и воспользовался, переселившись в 1905 г. на жительство в Петербург, где поступил на службу сначала в Этнографический отдел Русского музея (1905—1910), затем (в 1911 г.) стал сотрудником МАЭ при АН.

Первый выпуск словаря якутского языка, составленного Э. К. Пекарским при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова, вышел в Петербурге в 1907 г., а последний — в Ленинграде в 1930 г. В 1958—1959 гг. он был переиздан фотомеханическим способом.

Востоковеды были единодушны в высокой оценке словаря Пекарского. В. В. Радлов писал: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным *Thesaurus linguae Jakutorum*, да и для многих литературных языков подобный словарь, к сожалению, остается еще надолго *pium desiderium*»⁶⁷. Э. К. Пекарский известен и как выдающийся знаток якутского фольклора и этнографии якутов.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция обогатила науку новыми идеями, новой методологией, которые коренным образом изменили характер востоковедных исследований в АН и вызвали к жизни новые формы объединения востоковедов.

Первым объединением тюркологов в АН был Радловский кружок при МАЭ (1918—1930), который возник по инициативе В. В. Бартольда в июне 1918 г. на заседании, посвященном памяти В. В. Радлова, скончавшегося 12 мая 1918 г. «Положение» о Радловском кружке было утверждено АН в сентябре 1922 г.⁶⁸: «Радловский кружок, — читаем в § 1 „Положения“, — имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которым была главным образом посвящена деятельность академика В. В. Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких (= тюркских) народностей».

Радловский кружок объединял всех ленинградских тюрко-

⁶⁶ См. предисловие Э. К. Пекарского к его словарю якутского языка, т. I, стр. IV—V.

⁶⁷ Л. Н. Харитонов, Словарь якутского языка Э. К. Пекарского и его значение, — «Э. К. Пекарский. К столетию со дня рождения», стр. 10.

⁶⁸ «Положение о Радловском кружке», — ИРАН, сер. VI, 1922, стр. 139.

логов; на заседаниях кружка читались научные доклады и обсуждались научно-организационные вопросы, волновавшие тюркологов⁶⁹.

Ленинградские тюркологи — В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. Л. Троицкая — принимали деятельное участие в работе КВ при АМ АН, сыгравшей важную роль в развитии отечественного востоковедения.

После Октябрьской революции в соответствии с новыми задачами в составе АН возникли учреждения, тесно связанные с востоковедением вообще и с тюркологией в частности: Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС, 1917); Комиссия по изучению Якутской АССР (1924); Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (1926); Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР⁷⁰.

В 1918 г. штат АМ был расширен. Первым тюркологом — научным сотрудником АМ был А. Н. Самойлович (1880—1938), на которого было возложено заведование отделом нумизматики, эпиграфики и археологии АМ⁷¹.

Одной из важнейших политических и научных задач, поставленных революцией перед советской тюркологией в 20-х годах, было создание письменности для бесписьменных народов и народностей и замена старого (арабского) алфавита новым, более удобным. В этой важной и трудоемкой работе активное участие принимал АМ в лице С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, К. К. Юдахина и др.

Ленинградские востоковеды во главе с С. Ф. Ольденбургом и В. В. Бартольдом принимали деятельное участие в организации и проведении Первого тюркологического съезда в Баку (февраль — март 1926), на котором с докладами выступили С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. Н. Генко, С. И. Руденко и русист Л. В. Щерба⁷².

Одним из инициаторов созыва Бакинского съезда был А. Н. Самойлович, энергичный организатор и руководитель всей тогдашней работы в области тюркологии. В 1923 г. А. Н. Самойлович в бакинском журнале «Просвещение и культура» (№ 36) выступил со статьей «Нужен тюркологиче-

⁶⁹ Архив Радловского кружка хранится в ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (1922), № 2.

⁷⁰ «АН СССР за 10 лет», стр. 5, 102—104.

⁷¹ «Аз. Муз. Памятка, стр. 114. Судя по его личному делу (ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 5650), А. Н. Самойлович работал в АМ в качестве «приглашенного» (т. е. внештатного) сотрудника еще в 1903 г.

⁷² «Первый всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля — 6 марта (1926). Стенографический отчет», Баку, 1926.

ский съезд», а 14 марта 1924 г. в ЛИЖВЯ он сделал доклад «О необходимости созыва тюркологического съезда для обсуждения и решения неотложных практических вопросов просвещения и культуры в тюркоязычных республиках и областях». В это же время А. Н. Самойлович на одном из заседаний Радловского кружка прочитал доклад о проектах применения латинского алфавита к тюркским языкам, на основе которого были составлены рекомендации для Азербайджана, Узбекистана и Якутии. Все сколько-нибудь значительные мероприятия в области разработки и практического применения нового алфавита проходили при обязательном участии А. Н. Самойловича ⁷³.

Развитие тюркологических исследований в АН и в тюркоязычных республиках и областях выявило настоятельную необходимость координации усилий в области тюркологии во всесоюзном масштабе. В апреле 1927 г. АН была представлена в СНК СССР составленная В. В. Бартольд «Записка об учреждении Туркологического института для систематизации и объединения тюркологических работ самой академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои тюркологические исследования» ⁷⁴.

Плодом этой инициативы явился Туркологический кабинет (1928—1930; сокращенно ТУРК), которому В. В. Бартольд предоставил свою личную библиотеку и две комнаты в своей квартире (Университетская наб., 5, во дворе).

Организационное заседание ТУРК состоялось 11 апреля 1928 г.; председательствовал В. В. Бартольд, присутствовали Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов. Членами совета ТУРК были избраны В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов; директором ТУРК стал В. В. Бартольд, секретарем — К. К. Юдахин. Был выработан проект положения о кабинете.

Перед ТУРК были поставлены следующие задачи: а) переиздание словаря Радлова; б) подготовка к печати уйгуро-немецкого словаря Радлова; в) подготовка материалов для общего этимологического словаря тюркских наречий; г) подготовка к изданию записей А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и этнографических материалов Н. П. Дыренковой; д) изучение и подготовка к изданию орхонских надписей, хранящихся в Минусинске в местном музее; е) составление программы этнографических работ; ж) подготовка сводного каталога тюркских рукописей.

⁷³ См.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 252.

⁷⁴ «АН СССР за 10 лет», стр. 144—145. Записка В. В. Бартольда хранится в ЛО ААН СССР. Протоколы ОИФ за 1927 г., стр. 43—44.

27 октября 1928 г. ОГН утвердило состав членов Совета ТУРК. 14 октября 1928 г. состоялось первое заседание Совета ТУРК, на котором А. Н. Самойлович сделал сообщение о работе Комиссии по переизданию словаря Радлова⁷⁵. К сожалению, ни один из пунктов этого обширного плана не был выполнен.

В середине 20-х годов штат АМ пополняется, правда в весьма скромных масштабах. Н. К. Дмитриев⁷⁶, преподававший с 1925 г. в ЛИЖВЯ турецкий язык, был «приглашен в Азиатский музей на временную работу по разбору периодических изданий на турецких диалектах»⁷⁷. 1 апреля 1926 г. Н. К. Дмитриев был зачислен в штат АМ, а 10 февраля 1931 г., видимо по личной просьбе, был освобожден от обязанностей научного сотрудника ИВ⁷⁸.

Среди разнообразных — текущих и рассчитанных на долгий срок — научных работ, выполнявшихся ленинградскими тюркологами в середине 20-х годов, следует упомянуть два предприятия, свидетельствующих о широте их научных воззрений и отчетливом понимании своих задач. Первое — тюркологи С. Е. Малов, К. К. Юдахин и арабист А. Э. Шмидт решили перевести на русский язык известный труд Махмуда Кашгарского «Словарь тюркских языков» (XI в.); однако эта задача не была решена. Второе — переиздать «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, для чего в АН была создана специальная комиссия под председательством В. В. Бартольда; членами комиссии были А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др.⁷⁹. Это научное предприятие тоже не было осуществлено, по-видимому, по двум основным причинам: во-первых, задача оказалась не по силам (в части дополнения словаря новыми лексическими материалами) и, во-вторых, 19 августа 1930 г. умер инициатор и руководитель работы В. В. Бартольд.

Начиная с 1930 г. центром историко-лингвистико-литера-

⁷⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), ед. хр. 77. О деятельности ТУРК в 1928 г. см.: Отчет АН СССР за 1928 г., стр. 91—93; см. фонд ТУРК: ЛО ААН, ф. 258; ф. 2, оп. 1 (1928), № 77; оп. 1 (1929), № 68; оп. 1 (1930), № 71, 89.

⁷⁶ О нем см.: Э. В. Севортян, Из истории развития советской тюркологии (Памяти Н. К. Дмитриева), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 2, стр. 156—169; его же, Н. К. Дмитриев и советская тюркология, — ВЯ, 1956, № 3, стр. 101—107.

⁷⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 78.

⁷⁸ Там же, № 92 (1817—1929), № 140 (1931), № 1. Личное дело Н. К. Дмитриева см.: ЛО ААН, ч. 4, оп. 4, № 1948 (I.XI.1925—10.II.1931).

⁷⁹ А. Н. Самойлович, Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, — ИАН СССР, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1688—1694; его же, Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. Восточного ф-та Азерб. гос. университета. Востоковедение», т. 3, Баку, 1929, стр. 1—6; Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928, 8 стр.

туроведческих исследований в области тюркологии становится ИВ, в составе которого было два тюркологических кабинета: Среднеазиатский и Турецкий, которыми руководил А. Н. Самойлович, член-корр. АН с 1925 г. и действительный член АН с 1929 г., директор ИВ с 1934 по 1937 г.

А. Н. Самойлович был тюркологом широкого профиля; он с успехом работал в ряде научных областей: издание памятников, языкознание, литературоведение, этнография, история тюркских народов⁸⁰.

Выдающимся тюркологом петербургской школы был С. Е. Малов (1880—1957), член-корр. АН с 1939 г., ученик В. В. Радлова⁸¹. С 12 января 1929 г. по 16 октября 1930 г.⁸² С. Е. Малов — научный сотрудник 1-го разряда АМ — ИВ, с 1934 г. — заведующий Сектором тюркских языков ИЯМ АН СССР, с 1940 г. — член Ученого совета ИВ, научный руководитель аспирантов ИВ.

Совершив по инициативе В. В. Радлова на средства РКСА два путешествия в Западный и Центральный Китай (1909—1911; 1913—1915), С. Е. Малов стал одним из пионеров изучения языка и этнографии желтых уйгур, уйгур и лобнорцев⁸³. Во время путешествий С. Е. Малову удалось собрать довольно значительную коллекцию тюркских (главным образом уйгурских) рукописей, среди которых первое место занимает уникальный список сутры «Золотой блеск», изданный совместно с В. В. Радловым в серии «Библиотека буддизма». Рукописи, собранные С. Е. Маловым, хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВ.

Как уже было сказано, в ИВ было два тюркологических кабинета. В состав одного из них — Среднеазиатского — первоначально (1931) входили только тюркологи: Н. Г. Таланов, историк Средней Азии; К. К. Юдахин, лингвист, фольклорист, этнограф, автор теперь широко известных киргизско-русского (два издания)⁸⁴ и русско-киргизского словарей; О. И. Шацкая (позднее Иванова-Шацкая), фольклорист-тюрколог; аспиранты Хашимов и В. Забиров.

⁸⁰ О нем см.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 243—264; Библиография трудов, стр. 253—263.

⁸¹ О нем см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 5—22; список трудов, стр. 22—30; «С. Е. Малов. К 75-летию со дня рождения», — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 1, стр. 93—98; «С. Е. Малов. К восьмидесятилетию со дня рождения», — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 43—55.

⁸² См. личное дело С. Е. Малова (ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 363, № 1995).

⁸³ Последняя по времени издания книга, написанная по материалам путешествия: С. Е. Малов, Язык желтых уйгур. Тексты и переводы, М., 1967.

⁸⁴ Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина (М., 1965) удостоен Государственной премии за 1967 г.

В план кабинета на 1932 г. были включены две темы: 1) «Очерки истории джадидского движения в Средней Азии (Узбекистан и Казахстан)» (А. Н. Самойлович, Н. Г. Таланов, аспиранты Хашимов и Забиров); 2) «История джадидской литературы в Узбекистане» (А. Н. Самойлович, К. К. Юдахин, Е. Э. Бертельс, аспиранты Хашимов, Гасанзаде)⁸⁵. Несколько позднее план 1932 г., видимо, подвергся изменению и был сформулирован так: «Очерки истории джадидизма в Узбекистане» (Самойлович, Таланов, Юдахин, Гасанзаде, аспиранты З. Кастельская, Уньковский, Махортов). Кроме этой основной коллективной темы в плане кабинета значились также темы: «Социально-бытовая сторона туркменских народных произведений» (О. И. Шацкая); «Киргизско-русский словарь» (К. К. Юдахин); «Октябрь в Средней Азии (к 15-й годовщине Октября)» (Забиров, Хашимов, Таланов, Юдахин). В середине 1932 г. К. К. Юдахин выбыл из состава сотрудников ИВ. В 1932 г. в плане кабинета появляется первая иранистическая тема: «Таджикская литература» (Е. Э. Бертельс). В 1932 г. в кабинет были приняты новые сотрудники — Ш. Кайбагарова, Паластров, Амантаев⁸⁶.

План на 1933 г. был составлен с большим размахом и, видимо, рассчитан также и на внештатных сотрудников, что придавало плану характер перспективной наметки. План 1933 г. включал следующие темы: 1) «Культурная революция в Узбекистане» (исполнители не указаны); 2) «Очерки по истории джадидизма» (Паластров, Амантаев, Кастельская, Кайбагарова, Исхаков); 3) «Очерки по истории советской узбекской литературы» (Хашимов, Паластров); 4) «Проблемы литературного языка дунган и латинизация их письменности» (исполнители не указаны — в составе сотрудников кабинета дунгановедов не было); 5) «Собирание и систематизация фольклорного материала дунган» (исполнители не указаны); 6) «Обработка туркменского фольклорного материала» (О. И. Шацкая); 7) «Полный русско-киргизский словарь» (К. К. Юдахин); «Полный русско-таджикский словарь» (исполнители не указаны — таджиковедов в это время в составе кабинета не было); 8) «Характеристика туркменской советской литературы» (аспирант Ташназаров); 9) «История каракалпаков» (А. Н. Самойлович, В. Забиров); 10) «Промышленность Казахстана за 15 лет (1917—1932)» (Кайбагарова); 11) «Башкирская советская литература» (Амантаев); 12) «Происхождение и развитие среднеазиатского феодального города» (А. Ю. Якубовский; начиная с 1932 и по 1938 г. А. Ю. Якубовский был научным сотрудником 1-го разряда, затем ст. научным сотрудником кабинета). К сожалению,

⁸⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 32.

⁸⁶ Там же, оп. 1 (1932), № 38.

ЛЮ ААН не содержит данных о дальнейшей судьбе тем, включенных в этот план.

В начале 1933 г. ученым секретарем кабинета был назначен Зия Аксаков, за которым была закреплена тема «Отражение Октябрьской революции и коллективизации в устном народном творчестве крымских татар»⁸⁷.

Количество сотрудников кабинета ежегодно росло; в январе 1934 г. был зачислен А. К. Боровков⁸⁸, в 1935 г. — П. П. Иванов, известный историк Средней Азии. В план Среднеазиатского кабинета на 1934 г. были включены следующие темы: 1) «Хивинские хроники XVIII—XIX вв.». Перевод и исследование (А. Н. Самойлович); 2) «Происхождение и развитие феодального города в Средней Азии» (А. Ю. Якубовский); 3) «В. В. Бартольд как историк Востока» (А. Ю. Якубовский); 4) «Восстание в 1862 г. в Хатане» (А. К. Боровков); 5) «Материалы по истории Туркмении с VIII по XVI в.» (тема была поручена бригаде)⁸⁹.

В дальнейшем характер деятельности Среднеазиатского кабинета — преимущественное внимание к историческим темам — сохраняется; в плане 1935 г. кроме тем, указанных на 1934 г., значатся: 1) «Восстание Тараби»; 2) «Ирак на рубеже VIII—IX вв. (А. Ю. Якубовский); 3) «Источники по истории узбекского феодализма XVI—XVII вв.» (П. П. Иванов); 4) «Описание рукописей коллекции Ольденбурга — Петровского» (А. К. Боровков).

Позднее (1938) в план кабинета была включена первая лингвистическая тема — «Грамматика узбекского языка», ее разрабатывал А. К. Боровков. После долгого перерыва появляется лексикографическая тема — «Киргизско-русский словарь», исполнителем которой был К. К. Юдахин, сотрудник ИВ по договору.

В числе сотрудников кабинета (с марта 1937 г.) был арабист и тюрколог С. Л. Волин, историк Средней Азии по своим основным научным интересам, оставивший по себе память в истории тюркской филологии как автор превосходной работы «Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях»⁹⁰.

С отъездом в длительную командировку в Ташкент (1939) А. К. Боровкова, единственного представителя тюркского языкознания в Среднеазиатском кабинете, лингвистическая работа в кабинете в области тюркологии прекратилась.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Некролог А. К. Боровкова (НАА, 1963, № 2, стр. 265—267); Э. В. Севортян, Памяти А. К. Боровкова, — ИАН СССР, ОЛЯ, вып. 2, 1963, стр. 171—175.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1934), № 13.

⁹⁰ См. сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 203—235; переведено на турецкий язык; переводчица Расиме Уйгун; см. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, 1955, Анкара, стр. 99—141.

В конце 30-х годов в составе Среднеазиатского кабинета образовалась Иранистическая секция в составе С. И. Климчицкого и А. З. Розенфельд.

Второй тюркологический кабинет ИВ — Турецкий — был организован одновременно со Среднеазиатским; первым его сотрудником с 29 июля 1931 г. был азербайджанец, литературовед А. А. Сеид-заде. В 1932 г. в число сотрудников Турецкого кабинета были зачислены историки — А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, А. Д. Новичев, Т. П. Черман, А. С. Тверитинова, Джамилинский.

В плане кабинета на 1931 г. были темы: 1) «История развития среднеазиатского турецкого литературного языка чагатайского периода (XV—XIX вв.)»; 2) «Подготовка материалов из первоисточников по истории крымских татар» (исполнитель обеих тем А. Н. Самойлович)⁹¹.

На 1932 г. (и, видимо, на последующие годы) в плане кабинета значились следующие темы: 1) «Аграрная политика кемализма» (А. Д. Новичев); 2) «Современная турецкая литература» (А. А. Сеид-заде); 3) «Рабочая книга по истории Турции» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, Джамилинский); 4) «Экономический кризис в Турции» (А. Д. Новичев, А. А. Алимов, Т. П. Черман); 5) «История национально-освободительного движения в Турции» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, Джамилинский); 6) «Октябрь и судьба антиимпериалистической борьбы Турции» (А. Е. Мочанов, Джамилинский); 7) «История революционно-национально-освободительного движения в Крыму» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов); 8) «Восточный вопрос» (А. Е. Мочанов); 9) «Библиография основных работ по Турции» (А. Е. Мочанов); А. С. Тверитиновой была поручена обработка книжного фонда и его каталогизация⁹².

В 1933 г. А. С. Тверитинова получила научно-исследовательскую тему «Период Кёпрюлю», рассчитанную на ряд лет. В этом же году (1 ноября 1933 г.) в сотрудники кабинета был приглашен доцент турецкого языка в ЛВИ и ЛГУ, питомец Стамбульской учительской семинарии Хикмет Джевдет-заде⁹³, которому было поручено написать историю турецкой литературы от Танзимата до 1876 г.; позднее в его плане значилась история современной турецкой литературы. В плане кабинета указана также тема аспиранта А. А. Аджяна «Ремесленная промышленность Стамбула XV—XIX вв.»⁹⁴. В 1937 г. А. А. Аджян защитил кандидатскую диссертацию,

⁹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 33.

⁹² Там же, оп. 1 (1932), № 39.

⁹³ Там же, оп. 3, № 200. В листке по учету кадров датой рождения Х. Джевдет-заде указан 1895 год, однако по наведенной у его жены справке он родился в 1893 г., умер 17 апреля 1945 г.

⁹⁴ Там же, оп. 1 (1933), № 35.

посвященную ремесленной промышленности Стамбула в XVII в., написанную на основе известного турецкого первоисточника «Путешествие Эвлия-челеби».

В Турецком кабинете начал (1936) свою исследовательскую деятельность Х. И. Муратов, одновременно бывший ученым секретарем ИВ.

В последующие годы в деятельности кабинета также преобладала историческая тематика.

С конца 30-х годов и до начала Великой Отечественной войны в кабинете работали А. Д. Новичев, А. С. Тверитинова, Х. М. Цовикян, занимавшиеся различными аспектами истории Турции; Т. П. Черман составлял библиографию Турции; А. Н. Кононов занимался тюркской филологией (в июле 1941 г. была издана «Грамматика турецкого языка» и в основном закончено составление сводного текста «Махбуб ул-кулюб» А. Навои); при кабинете в это время были три аспиранта: Л. О. Алькаева (история турецкой литературы), А. В. Егоров (тюркское языкознание), Б. Л. Фридлянд (турецкий язык).

Кроме этих двух кабинетов была маленькая тюркологическая ячейка в составе Рукописного отдела ИВ. Фонд тюркских рукописей собрания ИВ последние годы перед Великой Отечественной войной обрабатывали арабисты и тюркологи И. Н. Леманов и Г. Г. Гульбин (оба погибли во время блокады Ленинграда), иранист и тюрколог А. М. Мугинов.

Обязательное изучение трех ближневосточных языков — арабского, персидского и турецкого (татарского), входивших в учебные программы Казанского и Петербургского — Петроградского университетов, выработало особый тип востоковеда-ближневосточника, который мог без затруднения оперировать материалом на этих языках. Подобных специалистов в истории русского востоковедения было много. Одним из них, как сказано выше, был К. Г. Залеман, знаменитый иранист и признанный тюрколог.

В советское время такими востоковедами-универсалами, иранистами по преимуществу, с успехом занимавшимися тюркологическими исследованиями, были сотрудники ИВ А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс и А. М. Мугинов, а из арабистов — С. Л. Волин, И. Н. Леманов и Г. Г. Гульбин.

А. А. Ромаскевичу принадлежит первая и единственная на русском языке запись и перевод песен кашкайцев, одного из кочевых тюркоязычных племен Ирана. Эти записи А. А. Ромаскевич сделал весной и летом 1914 г. во время путешествия по Ирану⁹⁵. Другой работой А. А. Ромаскевича, для успешного осуществления которой потребовалось глубо-

⁹⁵ А. А. Ромаскевич, Песни кашкайцев, — сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 573—610.

кое знание персидского и «чагатайского» языков, является статья «Новый чагатайско-персидский словарь»⁹⁶.

Как глубокий знаток литературы на персидском, тюркских и арабском языках выступает А. А. Ромаскевич в работе «Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петроградского университета»⁹⁷.

Е. Э. Бертельс вошел в историю русской тюркологии прежде всего благодаря работам по истории тюркских литератур; здесь в первую очередь следует назвать исследования, посвященные изучению творчества Навои, Низами, Ахмада Югнаки, Махтумкули; ему принадлежит ряд кратких, но выразительных характеристик (для БСЭ и ЛЭ) целого ряда современных тюркоязычных поэтов и писателей; он первый познакомил русских читателей с творчеством турецкого писателя Сами-паша-заде Сезаи, переведя с турецкого на русский язык его «Сергюзешт. Кючюк шейлер» (М.-Пг., 1923). Е. Э. Бертельс в течение ряда лет читал в ЛВИ и ЛГУ курс истории турецкой литературы⁹⁸.

Академик Н. Я. Марр неоднократно, специально или попутно, касался тюркологических проблем, чему способствовало его практическое — с детских лет — знакомство с турецким языком и обстоятельное научное изучение тюркских языков на ФВЯ Петербургского университета, где его учителями были выдающиеся тюркологи И. Н. Березин и В. Д. Смирнов⁹⁹.

Среди тюркологических работ Н. Я. Марра важное место занимают не утратившие своего значения, но почти не использованные тюркологами записи анатолийско-турецкого фольклора, сделанные им во время поездки (1904) по Карскому и Чорухскому вилайетам, входившим тогда в состав России, и изданные в книге «Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст с дневником поездки в Шавшию и Кларджию» («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII, СПб., 1911)¹⁰⁰.

Поздние работы Н. Я. Марра, прямо или косвенно посвященные тюркологическим проблемам (например, «Чуваши-яфетиды на Волге», «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков», «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье»), а также большинство многочисленных, рассеянных по его сочинениям тюркских этимоло-

⁹⁶ Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 83—99.

⁹⁷ ЗКВ, I, 1925, стр. 353—371.

⁹⁸ Библиографию трудов Е. Э. Бертельса см. СВ, 1958, № 1, стр. 114—124.

⁹⁹ С. [С.] Джикия, Н. Я. Марр и турецкие языки, — ЯМ, VIII, 1937, стр. 243—253.

¹⁰⁰ А. П. Векилов, Изучение турецких диалектов Малой Азии до-революционными и советскими учеными, — УЗИВАН, XXV, 1960, стр. 297.

логий, призванных подкрепить всеобщий характер яфетической теории, теперь представляют, как правило, только факт научной биографии автора, в то время как его исследования по армяно-грузинской филологии навсегда вошли в золотой фонд науки.

Оживившиеся в начале 30-х годов, после официального визита в Москву и Ленинград в 1932 г. тогдашнего премьер-министра Турецкой Республики Исмета-паши (Исмет Инёню), политические отношения между СССР и Турцией благоприятно отразились и на установлении более тесного контакта в научной области. В 1933 г. Н. Я. Марр и А. Н. Самойлович по приглашению турецкого правительства посетили Турцию; эта поездка способствовала некоторому оживлению контактов и сотрудничества между научными учреждениями СССР и Турции¹⁰¹.

Для закрепления и развития наметившихся контактов в середине 1933 г. при Президиуме АН СССР была создана «Комиссия содействия научным связям с Турцией» — КСОНСТ (1933—1937), которую возглавил Н. Я. Марр, а после его кончины (20.XII.1934) — А. Н. Самойлович; ученым секретарем был А. Д. Новичев; с марта 1937 г. — зам. председателя и ученый секретарь Х. З. Габидуллин.

КСОНСТ¹⁰² планировала организацию работ в двух основных областях: гуманитарные науки и «изучение естественных ресурсов Турции в связи с научными и практическими интересами СССР и Турции».

По этой программе предполагалось установить:

А. В области гуманитарных наук:

1) Обмен книгами и рукописями (в 1935 г. из Турции было получено 325 книг, в 1936 г. — 314; 2) Обмен музейными экспонатами, дублетами, муляжами и фотографиями с музейных объектов (в октябре 1933 г. в Турцию было отправлено 240 предметов); 3) Организация участия ученых СССР в совместной с турецкими учеными археологической экспедиции в Кюль-тепе; 4) Организация участия турецких ученых в советских экспедициях на территории СССР; 5) Организация участия турецких ученых в работе институтов СССР; 6) Организация участия советских ученых в научных конгрессах Турции; 7) Подготовка к изданию «Истории турецкого народного хозяйства до войны» (1914—1918); 8) Издание двуязычного — на русском и турецком языках — журнала.

Б. В области изучения естественных ресурсов Турции:

1) Организация почвенно-геологической экспедиции в Тур-

¹⁰¹ См.: А. Н. Самойлович, Языковое строительство в Турции, — «Письменность и революция», кн. 1, М., 1933, стр. 187—191; В. А. Миханкова, Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.—Л., 1948, стр. 412—415.

¹⁰² Архив КСОНСТ хранится в ЛО ААН, ф. 152, оп. 9, № 1—5.

цию для: а) составления почвенной карты Анатолии, б) почвенно-геологического исследования субтропических районов Анатолии; 2) Обмен с Турцией добытым в СССР опытом по исследованию алкалоидов опиума и табака. Позднее предлагались и другие темы. В составлении и осуществлении этого плана КСОНСТ деятельное участие принимала Украинская АН.

Деятельность КСОНСТ ограничивалась главным образом организацией обмена книгами, музейными экспонатами и участием советских ученых в работах II (1934 г.— А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов) и III (1936 г.— А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов, Х. З. Габидуллин) конгрессов Турецкого лингвистического общества¹⁰³.

Президиум АН СССР не был удовлетворен деятельностью КСОНСТ. 23 мая 1937 г. КСОНСТ была преобразована в Турецкую комиссию АН СССР с постоянным пребыванием в Москве; председателем ее был назначен А. Н. Самойлович, членами — ряд академиков, представителей естественных наук¹⁰⁴. Следов деятельности Турецкой комиссии пока обнаружить не удалось. Плодом деятельности КСОНСТ явились хранящаяся ныне в АВ картотека материалов по истории турецкого хозяйства и библиография Турции.

Широко развернувшиеся в начале 30-х годов тюркологические исследования настоятельно диктовали необходимость создания центра, объединяющего и направляющего деятельность тюркологов, работающих в Ленинграде. С этой целью в 1934 г. при ИВ была создана Ассоциация тюркологов, которая первоначально называлась «Турецкое объединение при ИВ». Почетным председателем был избран Н. Я. Марр, председателем — А. Н. Самойлович, заместителем председателя — А. А. Алимов, ученым секретарем — А. Д. Новичев¹⁰⁵. Ассоциация, деятельность которой продолжалась до середины 1937 г., собиралась на заседания нерегулярно и не имела точно разработанного плана работы.

В январе 1935 г. при ИВ по инициативе А. Н. Самойловича была создана «Комиссия по словарям старо-турецкому (-тюркскому, VI—XI вв.) чагатайскому, староанатолийско-турецкому (предложение Н. К. Дмитриева) и кыпчакскому». К составлению этих словарей предполагалось привлечь

¹⁰³ А. Н. Самойлович, Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения, — ВАН, 1935, № 1, стр. 17—28; его же, Третий лингвистический конгресс в Турции, — ВАН, 1936, № 11—12, стр. 51—55; его же, Стамбульские впечатления 1936 г. (Третий турецкий языковой конгресс и культурный рост Турции), — «Звезда», 1936, № 12, стр. 161—168.

¹⁰⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 9, № 5, лл. 95, 128.

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1934), № 42 — протокол № 1 заседания 10 марта 1934 г. Запись заседания 10 мая 1934 г. озаглавлена «Протокол заседания Президиума Ассоциации по изучению Турции».

С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, К. К. Юдахина, А. К. Борова, С. С. Джикия, А. Н. Бернштама, Х. Джевдет-заде, М. С. Михайлова, А. Н. Кононова и др.¹⁰⁶. Однако это благое начинание не было осуществлено по обстоятельствам, не зависящим от инициатора и предполагавшихся исполнителей.

К началу Великой Отечественной войны тюркологи ИВ представляли немногочисленный, но достаточно квалифицированный коллектив, который успешно решал поставленные перед ним научные задачи.

Война нарушила хорошо налаженную работу ИВ. В первую блокадную зиму погиб тюрколог-историк Х. М. Цовикян (7 февраля 1942 г.), ушли в действующую армию А. Д. Новичев и Т. П. Черман.

В течение 1942—1945 гг. ленинградские тюркологи находились в Ташкенте. В конце 1942 г. в Ташкенте в ИВ был создан Тюркологический кабинет, в который входили А. К. Боровков (зав.), А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая, А. Н. Кононов (прибыл в июле 1943 г.), Д. И. Тихонов, Б. Л. Фридлянд, Н. В. Кислаковская (зачислена 1.XII.1943). При кабинете была большая группа аспирантов-узбеков: А. Гулямов, Т. Салимов, З. Магруфов, Х. Якубов и др.

Сохранившиеся в ЛО ААН протоколы заседаний кабинета (1942—1945) свидетельствуют о весьма продуктивной деятельности его сотрудников в различных областях тюркской филологии. Регулярно проводившиеся заседания кабинета неизменно собирали большую аудиторию.

Одновременно с Тюркологическим кабинетом в составе ИВ функционировал в Ташкенте Среднеазиатский кабинет, состоявший из ученых различных специальностей, объединенных общностью научных интересов, связанных со Средней Азией. В заседаниях кабинета, обычно очень многолюдных, принимали участие не только сотрудники ИВ, но и ученые других учреждений: А. Ю. Якубовский, В. М. Жирмунский, А. А. Семенов, М. С. Андреев, Л. А. Мацулевич, В. А. Шишкин, Т. И. Райнов, К. В. Тревер, М. Е. Массон, Н. П. Архангельский, И. П. Петрушевский, А. В. Миртов, И. А. Киссен, Х. Т. Зарифов, Н. В. Дьяконова и др.

Тюркологи ИВ (А. К. Боровков, А. Н. Кононов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая) принимали деятельное участие в работе ряда гуманитарных учреждений Ташкента — Института восточных рукописей (ныне ИВАН УзССР), ИЯ АН УзССР им. А. С. Пушкина, Филологического факультета САГУ (ныне ТашГУ) им. В. И. Ленина, Ташкентского педагогического института.

17 мая 1945 г. сотрудники ИВ вернулись из Ташкента в Ленинград и приступили к работе в своем старом помещении,

¹⁰⁶ Там же, оп. 1 (1935), № 38, л. 22.

носившем еще отчетливые следы долгих дней войны и блокады. На первых порах ИВ сохранял свою довоенную структуру, и немногочисленные тюркологи вновь распределились между Турецким и Среднеазиатским кабинетами.

Турецкий кабинет продолжал свою деятельность в следующем составе: филолог А. Н. Кононов (зав.), историк А. С. Тверитинова, экономист и библиограф Т. П. Черман (демобилизировался в июне 1945 г.), филологи: Б. Л. Фридлянд и Н. В. Кислаковская (аспирант с 1 марта 1945 г.); в мае 1946 г. в штат ИВ был зачислен после демобилизации историк Турции А. Х. Рафиков (с августа 1952 г. — ст. научный сотрудник БАН); в октябре 1948 г. после службы в рядах Советской Армии (1941—1948) в кабинет вернулся историк Турции А. Д. Новичев, ныне профессор Восточного факультета ЛГУ.

Среднеазиатский кабинет в 1945 г. имел в своем составе следующих сотрудников: А. К. Боровков (зав.), в плане которого значилась «История узбекского языка»; А. А. Семенов (проживавший в Ташкенте, продолжавший работать в ИВ по совместительству) занимался историей Средней Азии; А. Л. Троицкая, продолжавшая работу над темой «Народный театр Узбекистана»; Д. И. Тихонов, занимавшийся историей Якуб-бека. При кабинете были аспиранты-узбеки: Т. Салимов (лингвист), З. Магруфов (лингвист), Х. Якубов (литературовед).

Иранистическая группа кабинета состояла из А. Н. Болдырева и А. З. Розенфельд¹⁰⁷.

30 мая 1946 г. Президиум АН СССР утвердил новую структуру ИВ; были созданы восемь секторов, в том числе Тюркский сектор (зав. А. К. Боровков) с двумя кабинетами — Среднеазиатским и Турецким (зав. А. Н. Кононов)¹⁰⁸; оба кабинета практически продолжали существовать как самостоятельные тюркологические ячейки.

После решения Президиума АН СССР (июль — август 1950 г.) о реорганизации ИВ в Ленинграде был организован Сектор (Музей) восточных рукописей; из тюркологов в состав сектора вошли: А. К. Боровков, А. М. Мугинов, А. С. Тверитинова (до переезда в Москву в 1952 г.), А. Н. Кононов, А. Х. Рафиков, которые продолжали работу в области тюркского языкознания (А. К. Боровков, А. Н. Кононов), истории Турции (А. С. Тверитинова, А. Х. Рафиков), описания тюркских и ираноязычных рукописей собрания ИВ (А. М. Мугинов).

В октябре 1956 г. Сектор восточных рукописей был пре-

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1945), № 2.

¹⁰⁸ В ряде протоколов заседаний сектора он именуется Сектор тюркской филологии (ЛО ААН, ф. 7, оп. 1, № 513, лл. 82—83).

образован в ЛО ИВ, в котором в числе других кабинетов был создан Тюрко-монгольский кабинет. В него вошли тюркологи А. Н. Кононов (зав.), А. К. Боровков (в 1957 г. перешел в ЛОИЯ АН СССР), А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева; позднее кабинет пополнился молодыми тюркологами-филологами С. Н. Муратовым, А. Х. Нуриахметовым, Ю. А. Целуевой (Ли), историками С. Г. Кляшторным и С. З. Закировым.

В настоящее время в кабинете работают следующие сотрудники-тюркологи: С. Г. Кляшторный (зав.), А. Н. Кононов, Ю. А. Петросян, С. З. Закиров, В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева, Г. В. Сорокоумовская, Л. Ю. Тугушева, аспирант И. Е. Палкина.

Последнее десятилетие основное место в планах всех филологов ЛО ИВ занимало описание восточных рукописей собрания ИВ; эта же тема была основной и в планах тюркологов. В конце 1957 г. была создана бригада в составе А. М. Мугинова, Л. В. Дмитриевой, С. Н. Муратова, А. Х. Нуриахметова, А. Н. Коконова (рук.) для описания коллекции тюркских рукописей. В результате длительной и напряженной работы, усилиями главным образом А. М. Мугинова, С. Н. Муратова, Л. В. Дмитриевой (с 1966 г.—сотрудники ЛО ИЯ АН СССР) эта большая и трудоемкая работа в основном была закончена и два тома описаний уже опубликованы¹⁰⁹.

Новое направление в деятельности кабинета — издание памятников — представлено пока двумя работами: 1) «Хюсейн, Беда'и ул-века'и» («Удивительные события»). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна, ч. 1—2 (М., 1961)¹¹⁰; 2) «Алишир Наваи, Диван», издание текста, предисловие и указатели Л. В. Дмитриевой (М., 1964).

Другой большой и важной темой в плане кабинета является биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период), подготовкой которого несколько лет занимались А. Н. Кононов, Ю. А. Целуева (Ли), Н. А. Дулина, В. Г. Гузев. Эта трудоемкая и кропотливая работа была завершена в 1968 г.

Еще одной большой — и по значению и по объему — работой являются проверка и рекаталогизация книжных фондов ЛО ИВ на тюркских языках, которые осуществляются Л. Я. Медведевой, Н. А. Дулиной и И. П. Лемешевой.

¹⁰⁹ А. М. Мугинов, Описание уйгурских рукописей Института народов Азии, М., 1962; Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История, М., 1965.

¹¹⁰ Рец., Faik Reşit Unat, — «Buletten», cilt. XXVII, № 106, Ankara, 1963, стр. 309—327.

Ю. А. Петросян в течение ряда лет занимается углубленной разработкой одной из важнейших проблем истории Турции — изучением основных вопросов истории буржуазно-либерального и буржуазно-революционного движения в Османской империи во второй половине XIX — начале XX в.

С. Г. Кляшторный, основной областью научных интересов которого является история древних тюрков, занимается историко-культурной интерпретацией орхонских памятников и историей тюркских племен Центральной и Средней Азии в средние века.

С. З. Закиров изучал ряд лет различные аспекты истории Золотой Орды; одна из этих тем была успешно закончена и опубликована¹¹¹. Последние годы С. З. Закиров занимался историей Хивы и хивинско-иранскими отношениями.

В 1966 г. из ЛО ИЯ перешла в Тюрко-монгольский кабинет Л. Ю. Тугушева, которая в 1967 г. закончила кандидатскую диссертацию «Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка)». Основная задача Л. Ю. Тугушевой на ближайшие годы — описание коллекции уйгурских рукописей ЛО ИВ.

В. Г. Гузев продолжает заниматься исторической фонетикой староосманского языка, которой была посвящена его кандидатская диссертация (1966).

Тюрколог-литературовед Г. В. Сорокоумовская продолжает работать над историей турецкой литературы новейшего времени.

В Рукописном отделе ЛО ИВ фондом тюркских рукописей ведала (до 1971 г.) и тюрколог-историк Р. Д. Иванова.

Тюркологи ЛО ИВ принимают деятельное участие в работе Ленинградского семинара тюркологов.

* * *

Наличие солидной научно-исследовательской базы в виде богатых рукописных фондов ИВ предопределяет основные направления деятельности тюркологов ЛО ИВ в будущем.

После завершения каталогизации тюркских рукописей, чему тюркологи ЛО ИВ посвятили последние 10 лет, следующим этапом, естественно, должны быть изучение и издание отдельных памятников тюркской письменности из коллекции ИВ и, как необходимое продолжение этой работы, исследование памятников для целей лингвистических, исторических и литературоведческих. Строго научное издание памятников тюркской письменности введет в научный обиход необходимый материал для составления исторических грамматик от-

¹¹¹ С. З. Закиров, *Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом*, М., 1966.

дельных тюркских языков, сравнительно-исторической грамматики семьи тюркских языков, а равно и для изучения тюркской лексики в историческом плане. Эти же издания явятся, как сказано, надежным источником для исторических и литературоведческих исследований.

Таковы главные направления деятельности тюркологов, но они не исключают, а, наоборот, предполагают также и второстепенные задачи, подсказываемые жизнью и естественным развитием науки ¹¹².

¹¹² Подробнее о работах тюркологов-историков см. статьи А. Д. Желтякова и В. А. Ромодина.